

СЛЕД МЕДВЕДЯ — ЛОЖЬ

ЛИНА ВЕЙ

Лина Вей

След медведя — ложь

«Автор»

2026

Вей Л.

След медведя — ложь / Л. Вей — «Автор», 2026

«След медведя — ложь»: когда очевидное оказывается ловушкой. След медведя у заимки — и сразу десятки вопросов без ответов. Смерть старшего егеря Виктора. Записи, которые будто написаны шифром. Люди, которые говорят слишком много и при этом не говорят ничего. Алёна не собиралась становиться защитницей леса — но лес сам выбрал её. С картой Трофима и блокнотом Виктора она начинает читать тайгу как книгу: по веткам, по следам, по тишине. Рядом — надёжные люди и волчица Луна, чьи инстинкты не обманешь. Каждая новая метка на дереве, каждая фотография с фотоловушки — кирпичик в стене, которая должна защитить заповедник. «След медведя — ложь» — это напряжённый таёжный детектив, где природа — не просто фон, а живой союзник и строгий судья. Если вы цените истории, в которых сила рождается из тишины, а правда пробивается сквозь ложь, словно молодая трава сквозь прошлогоднюю листву, — эта книга для вас. Откройте её — и позвольте лесу рассказать свою историю.

© Вей Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие.	5
Глава 1. Запах дождя и чужой след	6
Глава 2. Голос посёлка	9
Глава 3. Дом Виктора	12
Глава 4. Тропа, которая молчит	14
Глава 5. Координаты без ответа	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

След медведя — ложь

Предисловие.

В тайге не бывает случайных следов. Каждый отпечаток на влажной земле — это слово. А лес говорит только тем, кто умеет слушать.

Алёна умела. В тридцать четыре года она знала: ветка, сломанная рукой, звучит иначе, чем та, что поддалась ветру. Холодная логика и обострённое чувство пространства стали её бронёй после ухода из альпинизма — после травмы, которая забрала высоту, но оставила ей лес. Её единственная слабость была тихой и упрямой: она не умела просить о помощи.

Виктор, старший егерь, научил её слышать лес. В пятьдесят восемь он знал тайгу как свои ладони и говорил: «Смотри не на очевидное, а на то, чего не хватает». Теперь он исчез. И его блокнот с пометками стал главной уликой — и единственным голосом, который ещё мог что-то подсказать.

Марк, представитель туркомпании, говорил о «развитии региона» и «рабочих местах» так гладко, будто читал по сценарию. В тридцать шесть он всегда был при часах, всегда вовремя, и эта безупречная точность казалась Алёне самой подозрительной деталью.

Дед Трофим, семидесятилетний старожил, знал все тропы и все старые обиды. Он говорил загадками, но в этих загадках прятались точные координаты: места, где когда-то рубили лес, и тропы, по которым лучше не ходить.

И была ещё Луна — молодая волчица, что появлялась у границы участка. Она не нападала. Но приходила туда, где люди вели себя неправильно. И в этом её молчаливом присутствии Алёна видела странный, но надёжный знак.

А потом у ручья появились медвежьи следы. И кровь на мху.

Посёлок поверил в зверя.

Алёна — нет.

Глава 1. Запах дождя и чужой след

Вечер опускался на тайгу медленно, будто не хотел расставаться с дневным светом. Последние лучи цеплялись за верхушки кедров, окрашивали их в тёмно-медный, а внизу, у самой земли, уже собиралась сизая тень. Воздух был густым от влаги и смолы — после дневного дождя тайга продолжала дышать сыростью, выталкивая из себя запахи хвои, прелой листвы и чего-то дикого, древнего.

Алёна шла по тропе, привычно ставя ногу так, чтобы не хрустнуть сухой веткой. За годы в заповеднике она научилась не просто шагать по лесу, а сливаться с ним: не тревожить, не пугать, не оставлять лишнего шума. Её ботинки, тяжёлые, разношенные, с толстой подошвой, почти не оставляли следов на влажной глине. Но сегодня она не думала о своих следах. Она думала о том, как бы скорее добраться до сторожки, скинуть промокшую куртку, налить кружку крепкого чая и просто посидеть в тишине, слушая, как остывает день.

Три недели без выходных, постоянные обходы, проверки границ, отчёты, которые приходилось писать при свете фонарика, потому что электричество в сторожке отключалось каждый раз, когда ветер усиливался хотя бы до семи метров в секунду, — всё это навалилось на неё, как мокрый снег на тонкую ветку. Но сейчас, когда до дома оставалось не больше двадцати минут ходьбы, Алёна вдруг почувствовала, как усталость отступает, уступая место чему-то другому — особой настороженности, которая всегда приходила к ней в лесу, когда что-то было не так.

Она остановилась.

Просто замерла посреди тропы, закрыла глаза и прислушалась.

Ветер шевелил кроны, где-то далеко кричала кедровка, ручей у поворота тихо бормотал себе под нос, перекачивая камни. Всё было как обычно. И всё же... не так.

Алёна открыла глаза и посмотрела вперёд, туда, где тропа плавно спускалась к ручью. И тут она увидела.

На влажной глине у самой воды темнели глубокие отпечатки. Медвежьи следы. Крупные, тяжёлые, с чёткими бороздами от когтей. Рядом, на мху, — тёмное пятно. Кровь.

Посёлок был недалеко. Если кто-то пострадал, нужно бежать туда, поднимать тревогу, звонить в район. Но вместо того чтобы сорваться с места, Алёна медленно подошла к следам, присела на корточки и замерла, изучая их.

Её пальцы скользнули по краю отпечатка. Глина была мягкой, податливой, но форма следа... что-то в ней было неестественным.

«Медведь не волочит пятку, — прошептала она, будто Виктор стоял рядом и снова давал ей урок. — И не делает шаг короче, когда уходит. Он тяжелее на заднюю часть, он ставит стопу иначе».

Она провела пальцем по борозде от когтя. Слишком ровная. Слишком... аккуратная. Как будто кто-то очень старался сделать всё правильно, но не знал, как выглядит настоящий след.

Рядом, в полуметре, лежала сломанная ветка. Тонкая, сухая, но сломана она была не поперёк, как бывает от ветра, а под углом, будто её специально надломили, чтобы создать видимость борьбы.

Алёна подняла голову и огляделась. Вокруг всё выглядело так, будто здесь действительно произошло нападение: следы, кровь, сломанная ветка, смятый мох. Но для её натренированного взгляда картина распадалась на отдельные, плохо подогнанные друг к другу детали.

— Не верю, — тихо сказала она, скорее себе, чем кому-то ещё. — Это не зверь. Это чья-то работа.

В этот момент из посёлка донёсся далёкий крик:

— Алёна! Ты там?

Голос был знакомый — это был Петя, сын местного фельдшера. Он часто бегал по посёлку с поручениями, и сейчас, видимо, искал её.

— Здесь! — крикнула она, поднимаясь и стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжималось от напряжения. — У ручья!

Через пару минут Петя выскочил на тропу, запыхавшийся, с горящими глазами.

— Ты видела? Медведь! У ручья! Все говорят, что он напал на кого-то! Виктор пропал, а тут кровь!

Алёна посмотрела на него и почувствовала, как холод пробегает по спине. Виктор пропал. И кровь. И следы.

— Петя, стой. Не подходи близко. Не топчи тут ничего.

Мальчик замер, недоумённо глядя на неё.

— Почему? Надо же искать! Надо кричать!

— Сначала посмотрим. Внимательно.

Пете явно хотелось спорить, но что-то в её голосе заставило его послушаться. Он остановился, переминаясь с ноги на ногу, и уставился на следы, будто надеялся, что они сами ему всё расскажут.

Алёна снова присела, достала из кармана маленький фонарик и посветила на отпечаток. Теперь, при свете, неровности стали ещё заметнее. Кто-то явно пытался имитировать медвежий след, используя какую-то форму. Может быть, деревянную. Или даже силиконовую.

— Это не медведь, — сказала она наконец, поднимая глаза на Петю. — По крайней мере, не он один тут был. Тут кто-то работал. Специально.

Петя нахмурился.

— Как это? Следы же медвежьи! Я сам видел такие в книжке!

— В книжке они красивые. А в жизни — другие. Смотри: медведь ставит лапу так, что пятка почти не отпечатывается. А тут она есть. И шаг слишком короткий. И когти... слишком ровные.

Мальчик наклонился, пытаясь разглядеть то, что видела она. Но для него это были просто следы и кровь. Для неё — целая история, написанная на языке, который она знала лучше, чем собственный почерк.

— А кровь? — спросил Петя, поднимая на неё глаза. — Она настоящая?

Алёна осторожно коснулась тёмного пятна на мху. Ткань была влажной, но не липкой, как бывает у свежей крови. Скорее... маслянистой.

— Не знаю, — призналась она, чувствуя, как внутри растёт тревога. — Но я узнаю.

Из посёлка уже бежали люди. Кто-то кричал, кто-то звал Виктора, кто-то уже доставал телефон, чтобы звонить в район. Голоса сливались в один общий гул, в котором тонули любые попытки говорить спокойно.

Когда первые жители добрались до ручья, все сразу начали делать выводы.

— Медведь, — уверенно сказал дядя Коля, местный охотник, глядя на следы. — Крупный. Наверное, старый. Они в это время злые бывают.

— Надо ставить кордоны, — подхватил другой мужчина. — Нельзя, чтобы он к посёлку подошёл.

— А Виктор где? — снова спросил Петя, оглядываясь по сторонам, будто егерь мог прятаться за ближайшим кустом.

Никто не знал ответа.

Алёна стояла в стороне, наблюдая, как люди строят свои версии, опираясь на то, что видят, а не на то, что знают. И чем больше они говорили, тем сильнее она чувствовала: никто не хочет слушать её сомнения. Им проще поверить в зверя, чем в чей-то злой умысел.

К ней подошёл дед Трофим. Он не кричал, не суеился, просто встал рядом, посмотрел на следы, потом на Алёну, и тихо спросил:

— Что видишь?

Она не стала ничего объяснять. Просто кивнула на отпечаток, потом на сломанную ветку, потом на пятно на мху.

Дед Трофим прищурился, наклонился, потрогал глину пальцем, потом выпрямился и произнёс, глядя куда-то вдаль, поверх голов собравшихся:

— Следы могут врать. А лес — нет. Надо слушать, где он молчит.

И, не дожидаясь ответа, медленно пошёл прочь, растворяясь в сумерках, словно и сам был частью леса.

Алёна осталась стоять у ручья, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку. Вокруг шумели люди, строили планы, боялись медведя, искали Виктора. А она смотрела на следы и понимала: это не конец истории. Это только её начало. И кто-то очень постарался, чтобы все поверили в эту ложь.

Она достала из кармана блокнот и ручку, присела снова, прямо на сырую землю, и начала записывать. Не для отчёта. Для себя. Чтобы не забыть ни одной детали.

«След: слишком ровный. Когти: неестественно прямые. Шаг: короче, чем должен быть. Ветка: сломана под углом. Пятно: не липкое. Запах: слабый, не звериный».

Когда она закончила, подняла голову и увидела, что почти все разошлись. Только Петя остался стоять неподалёку, поглядывая на неё с любопытством и тревогой.

— Ты правда думаешь, что это не медведь? — спросил он тихо.

Алёна закрыла блокнот, спрятала его в карман и посмотрела на мальчика.

— Я думаю, что кто-то очень хочет, чтобы мы так думали.

И в этот момент, словно в ответ на её слова, из глубины леса донёсся тихий, протяжный вой. Не медвежий. Волчий.

Луна.

Алёна обернулась в сторону звука, чувствуя, как по спине пробегает не страх, а странное, почти забытое чувство: она не одна. Кто-то ещё в этом лесу не верит в ложь.

Глава 2. Голос посёлка

Клуб в посёлке был старым, но крепким — сложенным из толстых брёвен, потемневших от времени и дождей. Когда-то здесь крутили кино по выходным, а теперь собирались по тревожным поводам: паводок, пожар, отключение электричества. Сегодня повод был новый — медведь у ручья и пропажа Виктора.

Помещение пахло пылью, мокрыми куртками и крепким чаем — запах, который Алёна знала с первого дня в посёлке. В зале было тесно: люди стояли у стен, сидели на скамьях, кто-то примостился на подоконнике. Воздух был густым от волнения и тяжёлого дыхания. На сцене, за шатким столом, сидел глава посёлка Игорь Степанович, рядом с ним — Марк, представитель туркомпании. Он выглядел так, будто приехал не в таёжный посёлок, а на деловую встречу в областном центре: чистая рубашка, пиджак, часы, отполированные до блеска.

Алёна стояла у задней стены, стараясь держаться в тени, но чувствуя, как взгляды скользят по ней, задерживаются, будто ищут виноватого или спасителя. Она знала: сейчас все ждут не фактов, а уверенности. А уверенность здесь означала одно — верить в медведя.

Игорь Степанович постучал карандашом по стакану, и шум начал стихать.

— Так, тихо, тихо, — проговорил он, оглядывая зал. — Давайте по порядку. У ручья найдены медвежьи следы и кровь. Егерь Виктор Петрович пропал. Пока мы не знаем, что случилось, но рисковать нельзя.

В зале снова поднялся гул.

— Надо закрывать тропы! — выкрикнул дядя Коля, тот самый охотник, который ещё днём уверенно говорил про старого злого медведя. — Нельзя, чтобы зверь к посёлку вышел.

— А если это не зверь? — Алёна сама не поняла, как её голос прорвался сквозь общий шум.

Все обернулись. На секунду в зале стало тихо.

— Что значит — не зверь? — спросил Игорь Степанович, нахмурившись.

Алёна сглотнула. Она знала, что сейчас её слова прозвучат как бред. Но молчать было хуже.

— Я смотрела следы. Они... неправильные. Медведь так не ходит. И кровь... она не такая, как должна быть.

Дядя Коля фыркнул:

— Ты что, медведей лучше меня знаешь? Я полжизни в лесу!

— Я знаю, как выглядят следы, когда их делают люди, — спокойно ответила Алёна, хотя внутри всё дрожало.

Марк слегка наклонил голову, будто изучал её, как редкий экспонат.

— Интересная точка зрения, — произнёс он мягко, но в его голосе не было ни капли сомнения. — Но давайте не будем усложнять. Люди напуганы. Им нужно чувство безопасности.

— Им нужны факты, — возразила Алёна.

— Факты у нас есть, — вмешался Игорь Степанович. — Следы. Кровь. Пропавший человек. Этого достаточно, чтобы закрыть тропы и усилить патрули.

Зал одобрительно загудел.

— И ещё, — продолжил глава посёлка, — у нас тут есть предложение, которое может помочь всем. Марк Сергеевич расскажет.

Марк встал. Его движение было плавным, выверенным, как у человека, который привык быть в центре внимания. Он улыбнулся — не широко, а так, чтобы показать: он здесь не враг, он друг.

— Спасибо, Игорь Степанович, — сказал он, глядя не на главу, а на зал, скользя взглядом по лицам, задерживаясь на каждом, будто запоминая. — Я понимаю ваш страх. И он обоснован. Но я хочу поговорить не о страхе, а о будущем.

Он сделал паузу, давая словам осесть.

— Наша компания планирует построить здесь экотуристическую базу. Это не просто домики и кафе. Это рабочие места — для ваших сыновей, дочерей, для вас самих. Это дороги, связь, медпункт, который будет работать каждый день, а не по настроению погоды. Это шанс для посёлка жить, а не выживать.

В зале зашептались. Кто-то кивнул, кто-то нахмурился, но все слушали.

— Но сейчас мы не можем двигаться вперёд, пока есть угроза. Медведь — это серьёзно. Поэтому мы готовы помочь: выделить средства на патрули, на оборудование, на специалистов, которые разберутся с ситуацией. Мы хотим, чтобы вы чувствовали себя в безопасности. И хотим, чтобы посёлок развивался.

Алёна почувствовала, как внутри поднимается волна протеста. Слова Марка были правильными, гладкими, как отполированные камни. Но они не касались главного.

— А как же Виктор? — спросила она, и на этот раз её голос прозвучал твёрже. — Мы говорим о дорогах и рабочих местах, но человек пропал. И следы... они фальшивые.

Марк посмотрел на неё, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего она не смогла прочесть — раздражение, любопытство или просто усталость от неудобных вопросов.

— Алёна, я понимаю вашу тревогу. Виктор Петрович — уважаемый человек. Мы все хотим его найти. Но давайте не путать эмоции с фактами. У нас есть следы, есть кровь. Это уже повод для осторожности. А ваши сомнения... они важны, но сейчас они могут посеять панику.

— Паника — это когда закрывают глаза на правду, — ответила Алёна.

— Правда — это то, что мы видим, — вставил дядя Коля. — А видим мы медведя.

— Мы видим то, что нам показали, — настаивала Алёна.

В зале снова поднялся шум. Кто-то кричал про безопасность, кто-то — про работу, кто-то спрашивал, сколько рабочих мест обещает туркомпания. Голоса сливались в один общий гул, в котором её слова тонули, становились тихим эхом, которое никто не хотел слышать.

Марк снова поднял руку, и шум постепенно стих.

— Я предлагаю компромисс, — сказал он спокойно, будто не было никакого спора. — Мы усиливаем патрули, закрываем тропы до выяснения обстоятельств. Параллельно начинаем подготовку к проекту — с учётом всех ваших опасений. И, конечно, делаем всё возможное, чтобы найти Виктора Петровича.

Зал снова загудел, но теперь в этом гуле было больше согласия, чем протеста.

— Поддерживаю! — крикнул кто-то.

— Пусть делают базу! Хоть работа будет!

— Главное — чтобы медведя убрали!

Алёна стояла, чувствуя, как её голос растворяется в этом общем желании — верить в простое решение, в медведя, в рабочие места, в то, что всё наладится само собой.

К ней подошёл дед Трофим. Он не кричал, не спорил, просто встал рядом, посмотрел на Марка, потом на Алёну, и тихо сказал:

— Слова как листья: ветер их носит, куда хочет. А корни — в земле. Их не видно, но они держат всё.

Алёна кивнула, хотя не до конца поняла, о чём он.

— Ты не сдавайся, — добавил дед Трофим, чуть наклонившись к ней. — Лес не любит, когда правду прячут под красивыми словами.

И, не дожидаясь ответа, он медленно пошёл к выходу, растворяясь в полумраке коридора.

Собрание продолжалось. Марк отвечал на вопросы, обещал, убеждал. Алёна стояла у стены, чувствуя, как холод пробирается под куртку, и понимала: она одна против всех. Но она знала одно — следы не лгут. Если уметь их читать.

Когда собрание закончилось, люди расходились, обсуждая новости, строя планы, надеясь на перемены. Алёна вышла на улицу последней. Воздух был холодным, пах дождём и дымом из труб. Над посёлком висела тяжёлая тишина, будто лес затаил дыхание.

Из темноты у забора показалась тень. Луна вышла из-за угла, остановилась, посмотрела на Алёну своими жёлтыми глазами и тихо фыркнула, будто говоря: «Ты не одна».

Алёна присела на корточки, протянула руку, но не стала гладить — просто дала волчице понять, что видит её.

— Ты тоже не веришь в этого медведя, да? — прошептала она.

Луна наклонила голову, будто прислушиваясь, потом повернулась и пошла прочь, вдоль опушки, туда, где начинался лес.

Алёна встала, поправила куртку и пошла за ней. Не потому, что знала, куда идти. А потому, что знала: в лесу правда звучит громче, чем в любом клубе. И она должна её услышать.

Глава 3. Дом Виктора

Дом Виктора стоял на отшибе, у самой кромки леса, будто специально держался на границе двух миров — человеческого и дикого. Он был неказистым: брёвна потемнели от дождей и солнца, крыша местами просела, крыльцо скрипело на все лады, но в нём чувствовалась надёжность — такая, какая бывает у вещей, что пережили не одну зиму и всё равно стоят.

Алёна подошла к калитке, остановилась, прислушиваясь не к звукам, а к тишине. В этой тишине было что-то чужое, неестественное. Дом молчал. А он никогда не молчал: даже когда Виктора не было дома, он будто дышал — скрипел половицами, вздыхал под ветром, пощёлкивал остывающими печными кирпичами. Сейчас же он стоял, как выключенный.

Она толкнула калитку — та отозвалась протяжным стоном, будто не хотела пускать. Алёна замерла на секунду, потом шагнула внутрь, чувствуя, как по спине ползёт холодок. Ей казалось, что она нарушает что-то важное, переступает невидимую черту, за которой начинается не просто обыск, а вторжение в чужую жизнь.

На крыльце лежала забытая рукавица Виктора — грубая, промасленная, с протёртым пальцем. Алёна подняла её, прижала к щеке. Шерсть была жёсткой, но ещё хранила тепло. Или ей так хотелось думать.

Дверь оказалась не заперта. Это было странно: Виктор всегда запирает дом. Даже если уходил на пару часов, щёлкал замком, будто хотел удержать внутри что-то большее, чем вещи.

— Виктор Петрович... — тихо позвала Алёна, хотя знала, что никто не ответит.

Тишина ответила ей эхом собственного голоса.

Внутри пахло табаком, старым деревом, сушёными травами и чем-то ещё — тем особым запахом, который бывает только в домах людей, живущих в лесу: смесью хвои, дыма и крепкого чая. На столе стояла чашка с тёмным осадком на дне, рядом — ложка, будто он только что встал и собирался вернуться. На гвозде у двери висела его куртка, тяжёлая, пропахшая лесом и дымом. Алёна коснулась рукава, провела пальцами по грубой ткани, словно пытаясь нащупать след его присутствия.

Она начала осматривать комнату, стараясь не трогать лишнего, но понимая, что сейчас каждая мелочь может стать уликой. Виктор был человеком привычки: всё лежало на своих местах, имело своё назначение. Он не любил беспорядка, не любил, когда вещи лежат не там, где должны. И сейчас, глядя на эту аккуратную неподвижность, Алёна чувствовала, как тревога сжимает грудь: дом был слишком правильным, слишком застывшим.

В углу стоял старый шкаф с выдвижными ящиками — Виктор хранил там карты, отчёты, старые письма. Алёна осторожно выдвинула верхний ящик. Внутри лежали сложенные листы, исписанные его крупным, угловатым почерком. Она взяла один — это был отчёт о патрулировании, обычный, ничем не примечательный. Но на полях, между строками, были короткие пометки, понятные только ему: «тропа у ручья — следы свежие», «у старого кедра — чужой запах», «не доверять». Последнее слово было обведено несколько раз, будто он сам пытался себе напомнить.

Во втором ящике она нашла стопку фотографий: Виктор с коллегами, Виктор на фоне леса, Виктор с медвежонком, которого когда-то vyhаживал после пожара. Алёна задержалась на этом снимке. На нём Виктор улыбался — широко, искренне, как улыбаются люди, которые знают, что делают важное дело. Её пальцы дрогнули, и она быстро положила фото обратно, будто боялась стереть с него эту улыбку.

Третий ящик был заперт. Маленький, латунный замок щёлкал, когда Виктор открывал его, и этот звук Алёна помнила хорошо. Она огляделась, нашла на полке связку ключей, перебрала их, пока не нашла нужный — маленький, с зубчиками, которые цеплялись за язык замка. Щёлк.

Внутри лежал блокнот. Не новый, не дорогой — обычный, в потрёпанной тёмно-синей обложке, с загнутыми уголками и пятнами от дождя. Его страницы были исписаны от края до края, исчерчены стрелками, пометками, схемами троп. Алёна провела пальцем по обложке, чувствуя шероховатость, и открыла первую страницу.

Почерк Виктора был таким же, как в отчётах, — крупным, уверенным, будто каждое слово имело вес. Здесь были записи о погоде, о следах, о встречах с браконьерами, о странных машинах, которые появлялись у границы заповедника. Алёна листала страницу за страницей, чувствуя, как сердце бьётся всё быстрее. Чем дальше она читала, тем отчётливее становилось: Виктор знал, что что-то происходит. Он фиксировал всё: чужие следы, разговоры, подозрительные визиты.

И вот — последняя страница.

На ней не было ни дат, ни отчётов. Только координаты — широты и долготы, выведенные твёрдой рукой, и под ними короткая фраза, написанная так, будто он торопился, будто боялся, что не успеет:

«Не верь следам. Они уже здесь».

Алёна замерла, вглядываясь в эти слова. Буквы будто стали острее, резче, как лезвия. Холод пробежал по спине, сковал плечи, заставил пальцы сжаться на обложке блокнота.

«Они уже здесь».

Не «они придут». Не «возможно». А «уже».

Виктор знал. Он видел. Он пытался предупредить.

Она снова посмотрела на комнату, будто теперь видела её другими глазами. Аккуратность перестала казаться спокойной — она стала зловещей. Дом был не просто пустым. Он был зачищенным. Кто-то мог прийти сюда до неё. Или после. Или вообще не приходить, потому что у них уже были свои ключи, свои способы узнавать то, что нужно.

За окном шевельнулась тень. Алёна резко обернулась, сердце подпрыгнуло к горлу. Но это была не угроза — это Луна стояла у окна, смотрела на неё сквозь стекло своими жёлтыми глазами, будто проверяя, всё ли в порядке.

— Ты тоже чувствуешь, да? — прошептала Алёна, прижимая блокнот к груди, словно он мог её защитить. — Что здесь что-то не так.

Луна тихо фыркнула, будто согласилась, и отошла от окна, растворившись в сумерках.

Алёна вернулась к столу, положила блокнот перед собой, достала свой собственный, чтобы переписать координаты. Её рука дрожала, и цифры выходили кривыми, но она не останавливалась. Каждая цифра была как гвоздь, вбитый в стену лжи.

Закончив, она закрыла блокнот Виктора, провела ладонью по обложке, будто прощаясь, и тихо сказала:

— Я найду, что ты хотел сказать. Обещаю.

Выходя из дома, она остановилась на пороге, оглянулась на комнату, на чашку с осадком, на куртку на гвозде, на стопку фотографий. Дом всё ещё молчал, но теперь Алёна знала: он говорил. Просто нужно было уметь слушать.

Снаружи уже сгущались сумерки. Воздух стал холоднее, пах мокрой хвоей и приближающимся дождём. Где-то далеко, у ручья, снова закричала кедровка, и звук этот был резким, тревожным, как предупреждение.

Алёна застегнула куртку, сунула блокнот во внутренний карман, поближе к сердцу, и пошла прочь от дома, туда, где начинались тропы. Туда, где ждали координаты. Туда, где, возможно, ждала правда.

И где-то в глубине леса, будто в ответ на её шаги, хрустнула ветка. Не от ветра. Не от зверя. От человека.

Глава 4. Тропа, которая молчит

Тропа уводила Алёну всё глубже в лес, будто сама тайга не хотела, чтобы кто-то добрался до этих координат. Солнце уже садилось, и косые лучи, пробиваясь сквозь кроны, ложились на землю золотистыми полосами, но чем дальше Алёна уходила от посёлка, тем гуще становилась тень. Воздух был плотным, влажным, пах прелой листвой, смолой и чем-то ещё — острым, тревожным, как запах надвигающейся грозы.

Алёна шла медленно, не торопясь, потому что в тайге спешка — это ошибка, которая может стоить жизни. Каждый её шаг был выверен: она ставила ногу так, чтобы не хрустнуть сухой веткой, чтобы не спугнуть тишину, чтобы услышать то, что лес хотел сказать. В кармане куртки лежал блокнот Виктора, его тяжёлые координаты будто тянули её вперёд, как якорь.

«Лес не врёт, если умеешь слушать», — в голове снова прозвучал голос Виктора, низкий, спокойный, будто он шёл рядом и снова давал ей урок, как в первые дни, когда она только приехала в заповедник и не знала, чем отличается след россомахи от следа лисицы.

Она остановилась у поваленного кедра, провела ладонью по серому, шершавому боку дерева. Древесина была холодной, почти ледяной, хотя день ещё не успел остыть. Алёна посмотрела вперёд, на тропу, которая петляла между деревьями, и вдруг поняла: что-то не так.

Тропа молчала.

В тайге всегда есть звуки: шорох сухой травы, крик птицы, треск ветки под лапой зверя. Даже ветер говорит с лесом на своём языке. Но здесь, на этом участке, было тихо. Не просто тихо, а вычищено, как комната после уборки, где убрали не только мусор, но и все следы того, что в ней жили.

Алёна присела на корточки, изучая землю. Следы были — но не те. На влажной глине отпечатались ботинки с глубоким протектором, такие носят рабочие, строители, люди, которые не привыкли ходить по лесу. И шаг был ровный, одинаковый, как у машины, которая движется по программе: ни одного лишнего движения, ни одного случайного отклонения.

Рядом, у куста жимолости, ветка была сломана. Не поперёк, как бывает, когда её ломает ветер или задевает лось, а под углом, будто кто-то специально надломил её, чтобы она не мешала проходу, но при этом осталась на месте, не выдавая своего происхождения.

— Не так ломается ветка от ветра, — прошептала Алёна, проводя пальцем по шероховатому излому. — Ветер рвёт. А это — аккуратно. Слишком аккуратно.

Она встала, огляделась, пытаясь увидеть картину целиком. И тут заметила ещё одну деталь: на стволе молодой осины, прямо на уровне груди, была царапина. Не от когтей зверя — слишком ровная, слишком прямая. Будто кто-то зацепился ремнём, сумкой, инструментом. И не попытался скрыть след.

Алёна достала блокнот, записала: «Ботинки, протектор. Ветка сломана под углом. Царапина на осине. Тропа „вычищена“ — нет звериных следов, нет птичьего шума». Буквы выходили резкими, угловатыми, как будто она писала не карандашом, а ножом.

Дальше тропа уходила в низину, к старому ручью, который почти пересох к середине лета. Вода там текла тонкой струйкой, пряталась под корнями и камнями, и в этом месте всегда было шумно: ручей бормотал, перекачивая гальку, кричали кулики, в траве шуршали мыши. Но сегодня и ручей молчал.

Когда Алёна подошла ближе, она поняла почему.

На берегу, у самой воды, кто-то поставил ящик — простой, деревянный, грубо сколоченный. Рядом лежали деревянные формы, похожие на слепки медвежьих лап. Алёна присела, осторожно потрогала одну из них. Дерево было свежим, не потемневшим от дождей, с острыми краями, которые ещё не успели сгладиться ветром. Внутри формы была смесь опилок и чего-то тёмного, пахнувшего горечью и зверем.

— Медвежий помёт, — тихо сказала Алёна, будто произнося приговор. — Для запаха. Чтобы казалось настоящим.

Её пальцы сжались в кулаки. Она смотрела на эти формы, на ящик, на следы ботинок, и перед глазами вставала картина: кто-то тренировался здесь, ставил фальшивые следы, проверял, насколько они похожи на настоящие. Кто-то потратил время и силы, чтобы создать убедительную ложь.

Из-за дерева вышла Луна. Она появилась бесшумно, как тень, остановилась в нескольких шагах от Алёны, посмотрела на формы, потом на Алёну, будто спрашивая: «Ты видишь?»

— Вижу, — ответила Алёна, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. — И теперь я знаю, что это не зверь. Это люди.

Луна тихо фыркнула, будто одобряя, и отошла в сторону, к кустам, где земля была разрыта. Алёна подошла ближе и увидела: кто-то копал здесь, неглубоко, но аккуратно, стараясь не оставлять лишних следов. В яме лежала пустая канистра из-под горючего и обрывок верёвки.

Алёна наклонилась, подняла верёвку, провела пальцами по узлу. Узел был простым, рабочим, таким вяжут, чтобы что-то закрепить, привязать, удержать. Не охотничий, не туристический — обычный, какой может завязать любой человек, который привык работать руками.

Где-то впереди, за поворотом тропы, хрустнула ветка. Не так, как ломается сухая ветка на ветру. Чётко, коротко, как будто кто-то наступил на неё, не заметив.

Алёна замерла, прислушиваясь. Ветер шевелил кроны, где-то далеко кричал кедровка, но здесь, рядом, снова была эта неестественная тишина, которая давила на уши.

Луна подняла голову, наострила уши, потом медленно, бесшумно пошла вперёд, вдоль тропы, будто проверяя, что там. Алёна хотела окликнуть её, остановить, но не стала. Вместо этого она достала из кармана компас, сверилась с координатами, которые записала из блокнота Виктора, и тихо пошла следом за волчицей, стараясь ступать так, чтобы её шаги не выдавали её присутствия.

Через несколько минут тропа вывела их на небольшую поляну, окружённую старыми кедрами. Земля здесь была утоптана, будто по ней часто ходили, но звериных следов не было. Только ботинки. Много ботинок. И в центре поляны — свежий след тяжёлой техники: глубокая колея, сломанные кусты, вырванные с корнем молодые деревца.

Алёна присела, провела рукой по краю колеи. Глина была мягкой, влажной, но не от дождя — от того, что по ней недавно проехала машина. Следы были свежими, не старше двух дней.

«Они уже здесь», — снова прозвучали в голове слова Виктора. И теперь Алёна поняла, что он имел в виду не просто людей. Он имел в виду технику, вырубку, подготовку площадки. Он знал, что кто-то пришёл за лесом, и пытался это остановить.

Из-за деревьев снова донёсся хруст ветки. На этот раз ближе. И на этот раз Алёна не сомневалась: это был не зверь.

Она быстро огляделась, ища укрытие. Рядом был большой валун, поросший мхом, за ним можно было спрятаться. Алёна скользнула за камень, прижалась к холодному камню, стараясь дышать тише, чтобы её не услышали.

Луна исчезла в кустах, растворилась в сумерках, как будто её и не было.

Через минуту из-за поворота тропы вышли двое. В руках у них были фонари, но они не включали их, шли в полумраке, уверенно, будто знали эту тропу наизусть. Один из них что-то говорил, голос был приглушённым, но Алёна разобрала несколько слов: «...площадка готова... завтра начнут... никто не должен...»

Они прошли мимо валуна, не заметив Алёну, и остановились у колеи, осматривая следы техники. Один из мужчин наклонился, потрогал глину, потом выпрямился и сказал:

— Завтра привезут ещё оборудование. Надо будет замаскировать следы.

Второй кивнул, посмотрел на лес, будто ожидая, что из темноты кто-то выйдет.

— Здесь кто-то был, — пробормотал он. — Следы свежие. Не наши.

Первый нахмурился, посветил фонарём в сторону кустов, но ничего не увидел.

— Наверное, зверь, — сказал он наконец. — Или старожил какой-нибудь. Неважно. Главное — чтобы завтра всё было готово.

Они ещё немного постояли, обсуждая детали, потом развернулись и пошли обратно по тропе, исчезая в сгущающихся сумерках.

Когда их шаги стихли, Алёна ещё несколько минут сидела за валуном, чувствуя, как колотится сердце. Руки дрожали, но она не позволяла себе шевелиться, пока не убедилась, что они точно ушли.

Наконец она встала, вышла из-за камня, посмотрела на колею, на сломанные кусты, на следы ботинок. Теперь у неё были не просто подозрения. У неё были доказательства.

Она достала блокнот, снова записала всё, что видела: «Поляна. Следы техники. Колея. Сломанные кусты. Двое мужчин. Разговор о площадке и маскировке следов». Цифры и буквы выходили ровными, чёткими, как будто рука знала, что делает.

Луна снова появилась из темноты, подошла к Алёне, села рядом, будто охраняя её.

— Спасибо, — тихо сказала Алёна, глядя на волчицу. — Ты спасла меня.

Луна наклонила голову, будто не понимая, о чём речь, потом встала и пошла прочь, вдоль тропы, туда, где начинался подъём.

Алёна посмотрела ей вслед, потом на свои записи, потом на лес, который снова становился тёмным и чужим. Она знала, что не может вернуться в посёлок и рассказать всё, как есть. Ей не поверят. Ей скажут, что она фантазирует, что ей показалось, что она слишком напряжена из-за исчезновения Виктора.

Но она знала правду. И теперь она должна была её доказать.

Она сунула блокнот во внутренний карман куртки, застегнула молнию, чтобы ничего не выпало, и пошла вперёд, туда, куда вела тропа. Туда, где ждали ответы. Туда, где кто-то очень старался, чтобы никто их не нашёл.

И где-то в глубине леса, будто в ответ на её шаги, снова хрустнула ветка. На этот раз Алёна не остановилась. Она знала: лес не врёт. Нужно только уметь его слушать.

Глава 5. Координаты без ответа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.